

Так или иначе я попала в другой мир, поэтому мне хотелось надеть подъюбник на китовых усах, затянуть корсет и примерить какие-нибудь роскошные платья с разнообразным кружевом. Я мечтала распустить волосы, завить их и собрать в косичку, повязав лентой. А затем поиграть с куклами, одетыми в шикарные кружевные платья и туфли, украшенными драгоценными камнями.

— Привет, наш кроха.

Я не знаю, какой вклад Юнгель внес в рождение маленького принца, но я надеялась, что, «наш» — простое клише.

Он взял на руки малыша, играющего в колыбели, и начал похлопывать его по спинке на солнышке у окна.

Мое первое воспоминание — это когда мне было 4 года и я играла с жуками-броненосцами во дворе. Так что даже принц вряд ли вспомнит это время.

Но если он хотя бы смутно запомнит этот период, то малыш запомнит Юнгеля, который иногда приходил и пел ему песни, или же королеву, что кормила его трижды в день? И какой момент будем для него наиболее счастливым?

У Юнгеля, у которого не было детей, было доброе и счастливое выражение лица, однако королева выглядела несчастной, как человек, проживший в этом мире.

Счастлива ли я? А сэр Мио счастлив? Я знала, что он сам вызвался быть личным рыцарем маленького принца.

Король отобрал несколько опытных рыцарей. Среди них предпочтение было отдано тому, кто добровольно изъявил желание. Возможно, мечта сэра Мио — наблюдать за Юнгелем издалека — исполнилось, поскольку он так часто и так близко видится с ним!?

Я посмотрела через плечо Юнгеля в его темные глаза.

Мы всегда несчастны, каждый по своим причинам. Итак, чтобы не навлечь беду, я поставила себе небольшую, лёгкую цель, и теперь бежала к ней с опущенной головой.

Моя главная цель – дать маленькому принцу имя. Есть ли логика в том, чтобы не давать ребенку имя на протяжении месяца? Я одна так считаю? Разве король не должен был первым делом дать мальчику имя и личного доктора, прежде, чем рыцаря в сопровождение?

Я изначально была сильна в выполнении краткосрочных целей. Если бы мой результат на международном экзамене по английскому, сопоставимый с моим ростом, был нацелен на балл, сопоставимый с размером моей стопы — это безусловно стало бы достижением.

Конечно, я очень ненавидела учить английский язык. Даже оказавшись здесь, я терпеть не могла изучать что-то новое. Было бы трудно поставить перед собой цель — набрать больше баллов на экзамене по английскому, но выполнение этой цели было реальным, так как я терпеть не могла свой ужасный английский.

Перед тем, чтобы что-то сделать, я десятки раз думала, десятки раз колебалась и столько же накручивала себя. Прямо как сейчас.

— Похоже, господину Юнгелю он очень нравится.

— Правда? Похоже на то?

— Да, Вы ведь каждый раз поёте ему.

Юнгель улыбнулся, также прекрасно, как цветок. Элли отошла от меня на шаг. Должно быть, я выглядела настолько лицемерно и неискренне.

Все в порядке. Ведь изначально нет разницы какое у говорящего выражение лица, когда он говорит чушь или лезть. Нет ничего, что человек не мог бы сделать, чтобы выжить. Мой голос не звучал надменно. Я слышала высказывания о том, что мерой того, насколько человек любит другого, является то, сколько неприятностей он может вытерпеть.

Я была согласна с этим. Меня тоже это беспокоило. Иногда я могла выходить из дома, не мыв голову более трёх дней, но когда я шла на встречу с кем-то, кто мне действительно нравился или кого любила, я спешила зайти в салон красоты и оставить там кучу денег. И я всегда мыла голову перед выходом.

Итак, какими бы ни были намерения, я считала, что постоянные визиты Юнгеля к маленькому принцу — это непостижимый вид любви.

— Ты мне правда по душе. Такое облегчение, что именно ты его няня.

Я тоже так думала. В романе «Побег» не было ни слова о том, что молодая няня принца была казнена.

Эш в любом случае не должна умереть.

Я стала считать, что мне повезло, потому что меня не описали в романе. По оригинальному сюжету мне было гарантировано выживание. Там юная няня маленького принца не умерла, а значит «Эш» тоже. Поэтому чтобы я ни сделала, я выживу.

— Ты совсем недавно говорила, но не напомним, как тебя зовут?

Я покорно улыбнулась.

— Меня зовут Эш Токейн, господин Юнгель.

— Эш Токейн. В этот раз я запомню.

— Спасибо.

Король — ублюдок, а Юнгель — сукин сын. Он же уже слышал моё имя раза три минимум и так и не запомнил его. Дважды он спрашивал меня сам, и один раз он слышал его, стоя рядом с королем. Этот раз был четвертым.

— Я рада, что малыш такой спокойный.

— Да. Мне кажется, он похож характером на Эванса.

Элли, не в силах совладать со своими чувствами, отошла еще на полшага, а взгляд сэра Мио, который сверлил шею и плечи Юнгеля, поднялся еще немного вверх и сразу же опустился обратно.

Имя короля — Эванс. Никто не называл его так, кроме Юнгеля. Безусловно, король позволил произносить свое имя возлюбленному, но каждый раз, когда Юнгель, владеющий этикетом, произносил имя короля в присутствии других людей, услышавшие его впадали в уныние. Даже король. Я не знала, насколько ценно для Юнгеля имя короля.

— Господин Юнгель и Его Величество тоже называют маленького принца малышом?

— А как иначе? — спросил Юнгель, улыбнувшись и склонив голову набок.

Это была чистая и красивая улыбка, подобная белой лилии, которая расцвела у залитого палящим солнцем озера.

— Мне было интересно, называете ли Вы малыша также, как и мы.

<http://tl.rulate.ru/book/46954/2230221>